

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 91, Is. 2, pp. 134-143, 2015

DOI: 10.13187/er.2015.91.134
www.erjournal.ru

Philological sciences

Филологические науки

UDC 81'23:811.111

Development of Concepts of the Category of Time in Linguistics. The Role of the Subjective Factor in the Creation of Linguistic Models of Time

¹ Ella V. Nesterik

² Aigerim A. Mukhataeva

¹ Karaganda State University named after E.A.Buketov, Kazakhstan
Mukanov street 1a, Karaganda city, Karagandinskaya Oblast, 100026
PhD (philology), Assistant Professor
E-mail: ella_nesterik@mail.ru

² Karaganda State University named after E.A.Buketov, Kazakhstan
Mukanov street 1a, Karaganda city, Karagandinskaya Oblast, 100026
Master's Degree Student (foreign philology)
E-mail: mukhataeva1011@mail.ru

Abstract

This article provides an overview of the development of concepts of time in linguistics from the end of the XIX th century to the present day, during which the role of the subjective factor in their growth is revealed. The article attempts to answer the questions, what time is reflected in linguistic time, what role is played by the subjective (human) factor in the creation of linguistic models of time.

Keywords: Category of time; linguistic conceptions of time; grammatical category of time; category of temporality; linguistic time: subjective factor, human factor.

Введение

Языковое время, как и время философское, весьма многообразно. Познавая окружающий и собственный внутренний мир, человек осваивает все новые аспекты бытия и вместе с тем все новые аспекты времени, т.к. «время представляет собой общий кадр, в котором имеет место бытие и всякое бытие может переходить во время и время может переходить в различные формы бытия» [1, 124]. Результаты человеческого познания аккумулируются в языке, постепенно складываясь в своеобразную картину мира, сотканную из различных представлений, когда-либо существовавших и ныне существующих. В языковой картине мира время занимает «определенное ноэтическое поле», иначе называемое семантическим пространством времени [1, 122]. Это поле характеризуется многообразием своих компонентов, причем как внешним, так и внутренним – разнообразием средств выражения темпоральности и выражаемым с их помощью

многообразием времен. Как отмечает Н.К.Рябцева, «концепт времени неоднороден. В нем содержатся представления, принадлежащие разным мирам – физическому, духовному, обыденному, научному, вербальному, акциональному» [2, 78].

Изучение концепта времени (под концептом в данной работе понимается многомерное культурно-значимое ментальное образование [3; 4]), его роли в формировании языковой картины мира началось сравнительно недавно – в 90-х годах XX-го века. До тех пор же лингвистические исследования времени замыкались главным образом на времени глагола.

Цель данной работы – проследить развитие представлений о времени в лингвистике с конца позапрошлого века и до наших дней и выявить роль субъективного фактора в их становлении.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили труды таких видных лингвистов, как А.М. Пешковский, О. Есперсен, А.И. Смирницкий, Л.С. Бархударов, А.В. Бондарко, В.Н. Телия, А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Е.С. Яковлева и другие.

Цель исследования достигается индуктивным, гипотетико-дедуктивным и описательным методами, а также методом систематизации и классификации материала.

Обсуждение

В разные периоды развития языковедческой науки категория глагольного времени трактовалась то как субъективная категория сознания, то как воплощение физического и философского времен.

Первое характерно для русской лингвистической традиции XIX – начала XX-го веков. В большинстве грамматических учений, созданных в этот период, время русского глагола выступает как некая субъективно-психологическая сущность. Так, согласно А.М. Пешковскому, «говорящий при помощи категории времени определяет отношение времени действия ко времени своей собственной речи» [5, 79]. Время речи по Пешковскому есть момент речевого сознания, т.е. время, представляемое говорящим субъективно [5, 79]. Категория времени соответственно трактуется как отражение субъективного представления о соотношении момента речи и момента мыслимого действия.

Результатом субъективно-психологического толкования категории глагольного времени явилась «абстрактная схема трех времен» – настоящего, прошедшего и будущего. Эта схема, по мнению В.В. Виноградова, не могла в полной мере отразить специфику времен русского глагола, т.к. в ней не принимались в расчет живые глагольные формы во всем многообразии их функций и значений [6, 441].

Последние начинают активно изучаться лишь в 60-70-е годы XX-го века, что приводит к расширению системы грамматических времен и созданию новых грамматических теорий. Отличительной чертой лингвистических концепций времени второй половины XX-го столетия является то, что в них настойчиво подчеркивается объективный характер глагольных времен: «Лингвистическим аспектом категории времени, или лингвистическим временем (= темпоральностью), мы называем всю совокупность способов выражения средствами языка сущности физического и философского аспектов рассматриваемой категории» [7, 111].

Стремление максимально объективизировать язык и особенно грамматическую систему языка приводит некоторых исследователей к мысли о том, что общепринятая трактовка глагольного времени как грамматической категории, определяющей время событий по отношению к моменту речи, противоречит представлению о времени как об объективном явлении. В частности, Н.С.Поспелов высказывает мнение, что в основе подобных толкований грамматической категории времени лежит идеалистическое понимание этой категории, т.к. они апеллируют не к обобщенному значению высказывания, а к его конкретному психологическому содержанию [Цит. по: 8, 75]. Согласно его учению, грамматическое глагольное время представляет собой зеркальное воспроизведение реальных временных отношений и как таковое «непосредственно включает глагольное действие в реальную действительность» [8, 75].

Однако даже в том случае, когда признается, что языковое время не является прямым отражением времени философского, объективный характер грамматического времени не

подвергается сомнению. Так, у А.И.Смирницкого читаем: «Ясно, что тот или иной прием отсчета и обозначения времени и философское понимание самого существа времени – две принципиально различные вещи. То, что время того или другого события или процесса грамматически обозначается в языке (посредством глагольных временных форм) по отношению к моменту данной речи, никак не предопределяет философскую концепцию времени как такового и нисколько не препятствует тому, чтобы обозначаемое таким образом время материалистически понималось как действительное, объективно, независимо от нашего сознания, существующее время» [9, 330]. Аналогичную точку зрения высказывают лингвисты, признающие зависимость времени в языке от восприятия объективного времени говорящим. «Момент речи, – пишет Г.М.Милейковская, – субъективен лишь постольку, поскольку он немыслим вне индивидуальных актов общения; во всем остальном момент речи объективен, и установление его в языке происходит на объективных основаниях» [8, 76].

Объективизируется и «абстрактная схема трех времен». По мнению Б.Л. Уорфа, она является лишь частью более широкой схемы объективизации мира средствами языка [10, 148-149]. Он утверждает, что трехвременная система глагола есть результат объективизированного представления о времени как о некоем ряде или точках на линии – настоящем, прошедшем и будущем [10, 148-149]. (Ср. у О. Есперсена: «Без сомнения, мы вынуждены (исходя из самого существа времени или, во всяком случае, по необходимости нашего мышления) представлять себе дело так, что время имеет только одно измерение и, таким образом, может быть представлено в виде прямой линии» [11, 300].)

В то же время, данное представление не является отражением философского времени. Скорее наоборот, то или иное философское понимание времени возникает под влиянием времени языкового [10, 159-160].

Изучение «живых» глагольных форм приводит исследователей к двум важнейшим выводам: 1) о тесной связи категории времени с категориями вида и наклонения; 2) о взаимодействии различных средств выражения временных отношений в языке и речи.

Важность первого вывода заключается в том, что обнаружение связи между временем и видом, с одной стороны, и временем и наклонением, с другой, позволяло объяснить способность временных глагольных форм передавать разнообразные аспектуальные и модальные оттенки значений. Как известно, именно эта особенность глагольных форм времени – способность сочетать в себе значения различных категорий – нередко побуждала ученых исключать эти формы из категории времени и относить их либо к категории наклонения, либо к категории вида.

Так, к примеру, аналитические формы английского глагола, обозначающие действия в процессе их осуществления в настоящем, прошедшем и будущем, большинством исследователей определяются как чисто видовые (длительный вид [9; 12], демонстрирующий [13], прогрессив [14; 15], продолженный вид [16], вид развития [17]), а конструкция *shall/will* + инфинитив, употребляемая для обозначения будущих действий, нередко трактуется как средство выражения модальных значений [11, 304-308, 328-329].

Другой причиной неоднозначного истолкования одних и тех же форм глагола явилось общепринятое понимание грамматической категории как системы противопоставленных друг другу форм или значений. [18, 82; 19, 127]. В рассматриваемый период (60-70-е годы XX-го века) и в более позднее время принцип оппозиции или противопоставления составлял основу выявления и описания фактов языка. Все, что выходило за рамки оппозитивных отношений, не имело права на существование не только в грамматическом строе языка, но и в рамках всей языковой системы. «Основной принцип существования чего бы то ни было в рамках языка – это принцип противопоставления; нечто существует в языке лишь в той мере, в какой оно противопоставляется чему-то другому, связанному с ним, но отличному от него» [20, 144]. Принцип противопоставления в грамматике допускает соединение различных категорий в одной грамматической форме [9, 9]. Поэтому наличие тесной связи между временем и видом, а также временем и наклонением не является уже достаточным основанием для исключения тех или иных глагольных форм из грамматической категории времени. Существует, однако, другая проблема: наряду со значениями различных категорий формы глагола способны выражать различные значения одной грамматической категории, а это противоречит пониманию грамматической категории как системы взаимоисключающих грамматических форм. Исходя из этого,

Л.С. Бархударов и А.И. Смирницкий исключали форму будущего времени из категории времени, а форму перфекта из категории вида, т.к. будущее может выражаться в глаголе одновременно с прошедшим (форма будущего в прошедшем), а перфект одновременно с континуумом (форма длительного перфекта) [21; 9].

В последние десятилетия прошлого века в языкознании намечаются новые подходы к изучению и описанию грамматических явлений языка. В частности, А.В. Бондарко выдвигает концепцию, согласно которой отношение оппозиции между членами грамматической категории не является единственно возможным. Существенную роль в организации грамматических категорий может играть отношение иного рода – отношение неопозитивного различия [22, 17]. Разграничение отношений оппозиции и неопозитивного различия связано с признанием структурного многообразия в грамматической системе языка. Последнее в свою очередь обусловлено существованием языковых структур, выходящих за пределы оппозитивных отношений. Концепция А.В. Бондарко основана на принципе естественной классификации. Этот же принцип лег в основу его определения грамматического строя языка: «Грамматический строй языка трактуется как естественная система, характеризующаяся многообразными отношениями ее компонентов» [22, 27].

Признание структурного многообразия в грамматике разрешало многие проблемы, связанные с толкованием различных категорий, в том числе и грамматической категории времени. Изучение реального многообразия языковых структур приводило исследователей к выводу о том, что грамматические категории входят в более широкие структурные образования. Выявлением и описанием этих образований занимается функциональная грамматика. Предмет функциональной грамматики – грамматический строй языка, однако, в отличие от грамматики традиционной, функциональная грамматика изучает этот строй «в системе его функций, в его функционировании при взаимодействии с элементами окружающей среды» [23, 565]. Вступая во взаимодействие с единицами различных уровней, грамматические единицы образуют более широкие структуры, чем грамматические категории – категории более высокого ранга. В функциональной грамматике для их обозначения используется термин «функционально-семантическая категория» [24, 18]. Правда этот термин нередко заменяется другим – «функционально-семантическое поле», т.к. считается, что обсуждаемые категории обладают полевой структурой [24, 18]. Функционально-семантическая категория (или функционально-семантическое поле) – это система разноуровневых средств языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических и т.п.), «взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определенной семантической категории» [23, 566-567]. Под последней подразумевается определенное общее понятие, например, понятие времени, объединяющее разноуровневые элементы в единую систему – функционально-семантическое поле темпоральности.

Таким образом, вывод о взаимодействии различных средств выражения времени в языке и речи принадлежит функциональной грамматике. Этот вывод представляется еще более важным, чем первый: обнаружение тесной взаимосвязи между разноуровневыми средствами языка, служащими для передачи временных отношений, стало возможным благодаря привлечению широкого языкового материала, а это в свою очередь означало выход за рамки грамматической категории времени, трансформацию проблемы глагольного времени в проблему языкового времени.

Одновременно с этим происходит переосмысление вопроса о соотношении объективного и лингвистического времени. Точнее изменяется сама формулировка этого вопроса – отражением какого времени является языковое время, какую роль играет субъективный фактор (фактор человека) в формировании языкового времени? В советской лингвистической литературе подобные вопросы решались однозначно – время в языке есть ничто иное, как специфическое отражение объективно существующего времени. Фактор человека исключался из грамматического строя языка, да и в целом в языке признавался только как второстепенный, зависимый от объективных факторов. Объяснялось это тем, что большинство теорий языка строилось в то время на основе широко распространенного марксистского учения о соотношении объективного и субъективного миров. Суть его довольно хорошо изложена в монографии Г.В. Колшанского «Объективная картина мира в

познании и языке»: «Идеальный мир человека является в соответствии с марксистским положением вторичным миром, а, следовательно, не самостоятельным, зависимым от материального и порождаемым этим материальным миром...Объективность двух миров – объективного и субъективного, человеческого и внечеловеческого – не снимается ни при каких условиях, и только единственный вопрос – вопрос об отображаемости первичного мира во вторичном является принципиальным и существенным для жизнедеятельности человека» [25, 11-14]. При таком истолковании идеального мира человека поиски человеческого фактора в языке теряли всякий смысл: «исследование языка, как бы оно ни было нацелено на собственно человека, рассматриваемого в сфере его духовной деятельности, не может дать основание для разграничения двух миров – оно может лишь открыть в языке человека – со всеми его индивидуальными и родовыми качествами – сам мир» [25, 17]. Таким образом, весь субъективный характер языка заключается лишь в том, что он «выражает человеческий мир как форму отражения объективного мира» [25, 26].

Лингвистическая наука так долго занималась поисками в языке того, что «является принципиальным и существенным для жизнедеятельности человека», т.е. поисками объективного мира в языке, что упустила из вида самое главное – «человек остается человеком только благодаря языку» [26, 313], т.к. язык «является неотъемлемой, сущностной характеристикой человека, отличающей его от всего окружающего мира» [27, 6]. И дело здесь не только в том, что человек в отличие от всех других живых существ владеет языком. В языке наиболее ярко и полно проявляется другое уникальное свойство человека – когнитивная способность, т.е. способность к познанию и преобразованию себя и окружающего мира. Являясь непосредственным участником процесса освоения действительности, язык отображает существующие в ней предметы и явления, но в то же время, «будучи одним из основных атрибутов человека, естественно, не может не отражать в своей системе антропологических «следов»» [28, 58]. Обнаружение этих «следов» в системе отражаемых в познании и языке объектов является не менее принципиальным и существенным для жизнедеятельности человека, чем выявление закономерностей внечеловеческого мира. Ведь когнитивная способность человека во многом, если не во всем, определяется его способностью к познанию своей специфики, обнаружению своего сущностного я: «У я как сущности идеальной есть одна главная функция – быть субъектом познания (чувственного, рационального, эмпирического и теоретического). Сам процесс познания возможен лишь при условии неизменности сущностного я, его устойчивости при постоянных изменениях внешнего мира, при условии сохранения тождества я человека самому себе, своему самосознанию» [28, 59]. Очевидно, что язык как неотъемлемая часть когнитивного процесса и как сущностное свойство человека не может выражать человеческий мир лишь как форму отражения объективного мира. В первую очередь, он призван отражать сущностное я познающего субъекта, его специфику, человеческую природу, осознание которых позволяет ему выделить себя из разряда всех других живых существ, противопоставить свое я окружающему миру. Самопознание или осознание себя как я происходит опосредованно, через концептуализацию и категоризацию непосредственно воспринимаемой окружающей среды [28, 64]. Иначе говоря, внутренний мир человека моделируется по образу и подобию внешнего мира. Однако отправной точкой этого процесса, впрочем, как и всей познавательной деятельности в целом, является не объективная действительность, а сам человек как познающий и самопознающий субъект. Антропоцентризм познания проявляется прежде всего в том, что «человек может представить нечто в мире как соизмеримое с его возможностями восприятия и ценностной ориентации» [29]. Иначе эту способность человека называют антропометричность. В свою очередь, язык как непосредственный участник когнитивного процесса не может не отображать антропоцентризм последнего и тем самым сам становится антропоцентричным. Этим объясняется общепризнанный сегодня факт, что «язык не передает мир непосредственно: он отражает концептуализацию мира человеком, то есть обыденные, или, как говорят лингвисты, наивные представления человека о мире» [30, 189]. Таким образом, человек остается человеком благодаря тому, что «существует язык как абсолютное проявление человеческой когнитивной способности» [31]. Язык же остается языком человека благодаря тому, что человек запечатлел в его структуре свою специфику, т.е. специфику субъекта знания/познания. Человек занимает центральное место в языковой

картине мира и им определяется «палитра красок», которыми эта картина пишется [31]. Эта мысль проходит красной нитью через все исследования последних десятилетий XX-го века, в том числе исследования, посвященные языковому времени.

Современная лингвистика рассматривает время в неразрывной связи с человеком. «Фактор времени... – указывает Н.Д. Арутюнова, – играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека – в моделировании времени» [32, 52]. Как известно, многие предлоги и союзы времени восходят к пространственным словам, а пространственные предлоги, союзы и конструкции нередко в качестве вторичной функции выражают временные отношения. Основу данного языкового факта составляет субъективный фактор, а именно особенности восприятия пространства и времени человеком: «...пространственные отношения более просты для восприятия, чем временные. Пространство связано с сосуществованием элементов действительности, время – с последовательностью и сменой состояний. Для осознания пространственных связей достаточно непосредственного восприятия устанавливающего их лица. Для осознания же временных отношений человеку необходимо пережить или отметить в наблюдаемом объекте смену ряда состояний, что, разумеется, сложнее» [33, 6-7].

Субъективное можно проследить во внешней и во внутренней структурах семантического поля времени. Во внутренней структуре поля различают внешнее (когда?) и внутреннее (как?) время процесса [34, 122-123]. При этом отмечается, что репрезентанты внутреннего времени (глаголы, наречия, категория вида) склонны к выражению оценочных значений [34, 123]. Причиной тому служит заинтересованность человека в быстром или медленном протекании внутреннего времени процесса: «Время получает оценку в связи с действиями субъекта и состоянием окружающей среды» [34, 129].

Внешняя структура поля времени определяется его связями с другими семантическими полями [34, 123]. Так, на примере слова *время* В.Г. Гаку констатирует связь понятия времени с такими понятиями, как движение, пространство, занятие, человек, становление, исчезновение, действие, обладание, пора, отрезок времени, эпоха, погода, ритм, скорость, предмет и т.д. [34, 123] В.А. Плуныян считает, что время чаще всего связывают лишь с пятью понятиями: путник (движение по В.Г. Гаку), агрессор (исчезновение), субстанция, контейнер (занятие), имущество (обладание) [35, 161]. Несомненно одно: слово *время*, как и само понятие времени, это слово-хамелеон: «его сущность определяется не тем, к какому классу оно может относиться, а тем, что оно может в каждом из своих употреблений напоминать носителю языка» [35, 161].

Можно предложить еще одно сравнение, с так называемыми именами чувств. Словесный образ чувства, как известно, возникает на основе ряда образов-понятий, несовместимых с точки зрения естественных законов мира. Эмоции ассоциируются с веществами, природными стихиями, живыми существами. При этом, как отмечает Н.Д. Арутюнова, «создается подчиненный особой логике мир души» [36, 108]. Время, несмотря на принадлежность объективному, материальному миру, не является материальным. Мы не можем видеть, слышать, осязать и обонять его, не можем представлять его, как представляем какое-то конкретное явление или предмет. Но у нас есть чувство времени. Порожденное природными циклами, изменениями внешнего мира, это чувство, тем не менее, принадлежит психическому миру человека. Мы переживаем время так же, как переживаем различные психические состояния. Именно это свойство времени, его переживаемость, оправдывает утверждение: «Нет времени вне человека» [34, 124]. Логично, следовательно, предположить, что моделирование времени в сознании и языке аналогично моделированию психических явлений, что выбор средств для передачи времени и чувств диктуется одним и тем же рядом образов-понятий. Иначе говоря, существенную роль в формировании языкового времени играет антропометричность.

На антропометрическом принципе основаны метафоры, связанные со словами *утро*, *день*, *вечер*, *весна*, *лето* *осень*. *Утро* и *весна* в метафорическом употреблении обозначают молодость, *день* и *лето* – зрелость, *вечер* же и *осень* отсылают к старости [37]. Антропометричность выражается здесь в том, что «извечный «сценарий» [38, 45], представленный в смене времен года и смене дня и ночи, переносится на преходящее – человеческую жизнь. Аналогичным образом могут употребляться названия небесных тел и их перемещений – *на заре юности, на закате дней; Его звезда закатилась; Он находится*

в зените славы и т. п. [28]. Лексемы *час*, *минута* и *мгновение*, как правило, используются для фиксации психических событий. При этом каждая из них «обслуживает» лишь одну из сфер психического мира – *час* отвечает за духовное (*час мужества*), *минута* связана с душевным (*минута слабости*), *мгновения* притягивают эмоциональное (*веселья миг*) [39]. Важно отметить, что в таком употреблении слов времени прослеживается не просто связь моделей времени и жизни, а наложение моделей жизни (в том числе и психической) на модели времени. Положение о том, что «жизнь протекает во времени и подчинена его законам» справедливо только в отношении объективно, независимо от нашего сознания, существующего времени. Время, облаченное в языковую плоть, перестает быть независимым. Человек посредством языка навязывает времени себя, втягивает его в свое существование, заставляет жить по человеческим законам.

Подтверждением тому служит тот факт, что человеческое обнаруживается не только в темпоральной лексике, но и в «обесчеловеченной» традиционной грамматикой грамматической категории времени. Наиболее субъективным из трех выделяемых в грамматике времен – настоящего, прошедшего и будущего – принято считать настоящее время. Это естественно, ведь сообщаемое в форме настоящего является «актуальным, значимым для участников речевого акта, для их жизненной практики, как-то затрагивает их жизненные интересы или эмоции, представляет для них определенный интерес – это то, к чему они лично причастны» [27, 231]. Само членение времен глагола на настоящее, прошедшее и будущее основано на субъективном факторе. Согласно Н.Д. Арутюновой, представление о времени как о потоке, расчлененном «точкою присутствия», т.е. настоящим, на прошлое и будущее вытекает из главного условия, определяющего место человека в мире: «С прошлым человек связан памятью, сожалениями и раскаянием, опытом и знанием фактов. К будущему отнесены желания и надежды, страхи и предчувствия, планы и замыслы. С растяжимой («бегущей») точкой настоящего человек связан непосредственными ощущениями: восприятием и чувствованием. Настоящего как бы нет, но только в нем возможны прямые контакты с действительностью. Только в настоящем человек «присутствует» в мире» [32, 52]. Д.Б. Никуличева отмечает, что метафоризация времени (лексическая и грамматическая) как линии, разделенной на временные интервалы, сочетается с представлением событий прошлого как находящихся сзади или удаляющихся от наблюдателя, а будущих событий как расположенных перед наблюдающим субъектом или приближающихся к нему: англ. *the past*, русск. *впередь, приближаются экзамены, годы проходят* [40, 9-12].

Наконец, субъективный фактор можно обнаружить в связи грамматического времени с категориями наклонения и вида. А.В.Бондарко полагает, что эта связь, а также вытекающие из нее трудности в истолковании одних и тех же форм глагола указывают на наличие модально-темпоральных и аспектуально-темпоральных связей в данном языке [24, 28]. Модальность, как известно, проявляется прежде всего как выражение отношения человека к высказываемому факту [25, 91]. Благодаря аспектуальности ситуация распределяется во времени: может быть сжата, растянута, повторена и т.д. [41, 201]. Вступая во взаимодействие с указанными категориями в языке и речи, темпоральность приобретает человеческий характер, т.к. передает не временные отношения как таковые, а то, как эти отношения организованы в сознании людей: «Для нас гораздо важнее ощущение времени и собственное внутреннее отношение к нему, чем осознание времени как физической ньютоновской длительности, для нас более существенны наполненность времени событиями и качество времени, чем его естественный ход. Для человека время не течет равномерно и отмеренно – оно замедляет свой бег или вообще останавливается, когда ждешь, оно всегда убыстряется, когда куда-то спешишь. Приходится принимать время таким, каким оно дано каждому из нас, – с его нехватками, длиннотами, с его относительностью и ненадежностью» [42, 139].

Выводы

Вышеперечисленное позволяет сделать следующий вывод: наличие тесных модально-темпоральных и аспектуально-темпоральных связей в языке обусловлено тем фактом, что модели времени, существующие в сознании его носителей, носят ярко выраженный субъективно-психологический характер. Последний, в свою очередь, объясняется тем, что

«человек как мыслящее и чувствующее существо определяет время по отношению к самому себе» [43, 30].

Примечания:

1. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 122-130.
2. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 78-95.
3. Карасик В.И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов), 1997 // <http://www.vspu.ru>
4. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин», 2001 // <http://kubstu.ru>
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1935. 452 с.
6. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
7. Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 111-117.
8. Милейковская Г.М. О соотношении объективного и грамматического времени // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 75-79.
9. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959. 440 с.
10. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит.-ры, 1960. С. 135-168.
11. Есперсен О. Философия грамматики. Изд. 2-е, стереотипное. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисловие Б.А. Ильиша. М.: Едиториал УРСС, 2002. 408 с.
12. Curme G.O. A Grammar of the English Language // Хрестоматия по теоретической грамматике английского языка. Иофик Л.Л., Чахоян Л.П. Л.: Просвещение, 1967. С. 66-68.
13. Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд-во литер. на иностр. яз., 1960. 399 с.
14. Joos M. The English verb. – The University of Wisconsin, 1964. 251 p.
15. Palmer F.R. A linguistic study of the English verb. London, 1965. 199 p.
16. Бархударов Л.С. К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем (На материале глагола в английском и французском языках) // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 97-110.
17. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2000. 381 с. (на англ. яз.)
18. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2002. 160 с.
19. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учебник для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1998. 272 с.: ил.
20. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. Учебное пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов. Изд. 2-е, перераб. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
21. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка: Учеб. пособие для студентов ин-тов и фак-тов иностр. яз. М.: Высш. шк., 1975. 156 с.
22. Бондарко А.В. О структуре грамматических категорий (Отношения оппозиции и неопозитивного различия) // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 17-28.
23. Бондарко А.В. Функциональная грамматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 565-566.
24. Бондарко А.В. К проблематике функционально-семантических категорий (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // Вопросы языкознания. 1967. № 2. С. 18-31.
25. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Едиториал УРСС, 2005. 128 с.
26. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. Г.В. Рамшивили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
27. Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: Учебное пособие. М.: МГИМО, ЧеРо, 1996. 254 с.
28. Гуреев В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 57-67.
29. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира, 1988 // <http://www.nspu.net>
30. Вежбицкая Анна. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // THESIS, 1993, вып.3. С. 185-206.
31. Кравченко А.В. Человек, язык, среда (к обоснованию холизма как метода гуманитарной науки), 2005 // <http://www.russian.slavika.org>
32. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 51-61.
33. Гак В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 6-26.
34. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 122-130.
35. Плуноян В.А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 158-169.

36. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
37. Зализняк Анна А. Шмелев А.Д. Время суток и виды деятельности // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 229-240.
38. Яковлева Е.С. Время и пора в оппозиции линейного и циклического времени // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 45-51.
39. Яковлева Е.С. Час в системе русских названий времени // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 267-280.
40. Никуличева Д.Б. О грамматических оппозициях в связи с организацией когнитивных представлений времени в германских языках // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. Выпуск пятый. Калуга, 2005. С. 7-21.
41. Рахилина Е.В. О старом: аспектуальные характеристики предметных имен // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 201-217.
42. Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 139-151.
43. Селиванова Е.Е. Футурум в английском языке: понятийная категория и ее языковая репрезентация // Вестник МГЛУ. Выпуск 460. Грамматические средства выражения когнитивно-функциональной семантики. М., 2001. С. 29-49.

References

- Gak V.G. Prostranstvo vremeni // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 122-130.
- Ryabtseva N.K. Aksiologicheskie modeli vremeni // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 78-95.
- Karasik V.I. Subkategorial'nyi klaster temporal'nosti (k kharakteristike yazykovykh kontseptov), 1997 // <http://www.vspu.ru>
- Vorkachev S. G. Kontsept kak «zontikovyi termin», 2001 // <http://kubstu.ru>
- Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. M.: Uchpedgiz, 1935. 452 s.
- Vinogradov V.V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove): Ucheb. posobie dlya vuzov / Otv. red. G.A. Zolotova 3-e izd., ispr. M.: Vyssh. shk., 1986. 640 s.
- Desherieva T.I. Lingvisticheskii aspekt kategorii vremeni v ego otnoshenii k fizicheskomu i filosofskomu aspektam // Voprosy yazykoznaniiya. 1975. № 2. S. 111-117.
- Mileikovskaya G.M. O sootnoshenii ob"ektivnogo i grammaticheskogo vremeni // Voprosy yazykoznaniiya. 1956. № 5. S. 75-79.
- Smirnitiskii A.I. Morfologiya angliiskogo yazyka. M., 1959. 440 s.
- Uorf B.L. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku // Novoe v lingvistike. Vyp. 1. M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1960. S. 135-168.
- Espersen O. Filosofiya grammatiki. Izd. 2-e, stereotipnoe. Per. s angl. / Obshch. red. i predislovie B.A. Il'isha. M.: Editorial URSS, 2002. 408 s.
- Curme G.O. A Grammar of the English Language // Khrestomatiya po teoreticheskoi grammatike angliiskogo yazyka. Iofik L.L., Chakhoyan L.P. L.: Prosveshchenie, 1967. S. 66-68.
- Vorontsova G.N. Ocherki po grammatike angliiskogo yazyka. M.: Izd-vo liter. na inostr. yaz., 1960. 399 s.
- Joos M. The English verb. – The University of Wisconsin, 1964. 251 p.
- Palmer F.R. A linguistic study of the English verb. London, 1965. 199 p.
- Barkhudarov L.S. K voprosu o binarnosti oppozitsii i simmetrii grammaticheskikh sistem (Na materiale glagola v angliiskom i frantsuzskom yazykakh) // Voprosy yazykoznaniiya. 1966. № 4. S. 97-110.
- Blokh M.Ya. Teoreticheskaya grammatika angliiskogo yazyka: Ucheb. 3-e izd., ispr. M.: Vyssh. shk., 2000. 381 s. (na angl. yaz.)
- Blokh M.Ya. Teoreticheskie osnovy grammatiki: Ucheb. 3-e izd., ispr. M.: Vyssh. shk., 2002. 160 s.
- Maslov Yu.S. Vvedenie v yazykoznanie: Uchebnik dlya filol. spets. vuzov. 3-e izd., ispr. M.: Vysshaya shkola, 1998. 272 s.: il.
- Stepanov Yu.S. Osnovy obshchego yazykoznaniiya. Uchebnoe posobie dlya studentov filol. spetsial'nostei ped. in-tov. Izd. 2-e, pererab. M.: Prosveshchenie, 1975. 271 s.
- Barkhudarov L.S. Ocherki po morfologii sovremennogo angliiskogo yazyka: Ucheb. posobie dlya studentov in-tov i fak-tov inostr. yaz. M.: Vyssh. shk., 1975. 156 s.
- Bondarko A.V. O strukture grammaticheskikh kategorii (Otnosheniya oppozitsii i neoppozitivnogo razlichiiya) // Voprosy yazykoznaniiya. 1981. № 6. S. 17-28.
- Bondarko A.V. Funktsional'naya grammatika // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sov. entsiklopediya, 1990. S. 565-566.
- Bondarko A.V. K problematike funktsional'no-semanticheskikh kategorii (Glagol'nyi vid i "aspektual'nost'" v russkom yazyke) // Voprosy yazykoznaniiya. 1967. № 2. S. 18-31.
- Kolshanskii G.V. Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke. M.: Editorial URSS, 2005. 128 s.
- Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu / Per. s nem. G.V. Ramshivili. M.: Progress, 1984. 397 s.

27. Shteling D.A. Grammaticheskaya semantika angliiskogo yazyka. Faktor cheloveka v yazyke: Uchebnoe posobie. M.: MGIMO, CheRo, 1996. 254 s.
28. Gureev V.A. Yazykovoi egotsentrizm v novykh paradigmatkhn znaniya // Voprosy yazykoznaniiya. 2004. № 2. S. 57-67.
29. Teliya V.N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoi kartiny mira, 1988 // <http://www.nspu.net>
30. Vezhbitskaya Anna. Semantika, kul'tura i poznanie: obshchechelovecheskie ponyatiya v kul'turospetsifichnykh kontekstakh//THESIS, 1993, vyp.3. S. 185-206.
31. Kravchenko A.V. Chelovek, yazyk, sreda (k obosnovaniyu kholizma kak metoda gumanitarnoi nauki), 2005 // <http://www.russian.slavika.org>
32. Arutyunova N.D. Vremya: modeli i metafory // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 51-61.
33. Gak V.G. Funktsional'no-semanticheskoe pole predikatov lokalizatsii // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'. Bytiinost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'. SPb.: Nauka, 1996. S. 6-26.
34. Gak V.G. Prostranstvo vremeni // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 122-130.
35. Plungyan V.A. Vremya i vremena: k voprosu o kategorii chisla // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 158-169.
36. Arutyunova N.D. Predlozhenie i ego smysl (logiko-semanticheskije problemy). M.: Editorial URSS, 2003. 384 s.
37. Zaliznyak Anna A. Shmelev A.D. Vremya sutok i vidy deyatel'nosti // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 229-240.
38. Yakovleva E.S. Vremya i pora v oppozitsii lineinogo i tsiklicheskogo vremeni // Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty. M.: Nauka, 1991. S. 45-51.
39. Yakovleva E.S. Chas v sisteme russkikh nazvanii vremeni // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 267-280.
40. Nikulicheva D.B. O grammaticheskikh oppozitsiyakh v svyazi s organizatsiei kognitivnykh predstavlenii vremeni v germanskikh yazykakh // Teoriya i istoriya germanskikh i romanskikh yazykov v sovremennoi vysshei shkole Rossii. Vypusk pyatyi. Kaluga, 2005. S. 7-21.
41. Rakhilina E.V. O starom: aspektual'nye kharakteristiki predmetnykh imen // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 201-217.
42. Kreidlin G.E. Vremya skvoz' prizmu vremennykh predlogov // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 139-151.
43. Selivanova E.E. Futurum v angliiskom yazyke: ponyatiinaya kategoriya i ee yazykovaya reprezentatsiya // Vestnik MGLU. Vypusk 460. Grammaticheskije sredstva vyrazheniya kognitivno-funktsional'noi semantiki. M., 2001. S. 29-49.

УДК 81'23:811.111

Развитие представлений о категории времени в лингвистике. Роль субъективного фактора в создании языковых моделей времени

¹ Нестерик Элла Владимировна
² Мухатаева Айгерим

¹ Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова, Казахстан
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: ella_nesterik@mail.ru

² Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова, Казахстан
E-mail: mukhataeva1011@mail.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор развития представлений о времени в лингвистике с конца позапрошлого века и до наших дней, в ходе которого выявляется роль субъективного фактора в их становлении. В статье делается попытка ответить на вопросы, отражением какого времени является языковое время, какую роль играет субъективный фактор (фактор человека) в создании языковых моделей времени.

Ключевые слова: Категория времени; лингвистические концепции времени; грамматическая категория времени; категория темпоральности; языковое время, субъективный фактор, фактор человека.